

У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

АНДРЕЙ ЩУПОВ

Андрей Щупов

У самого Черного моря

«Издательские решения»

Щупов А.

У самого Черного моря / А. Щупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518761-1

«Бас, кулак и гитара» — завершающая часть трилогии «Гастроли „Гекубы“». Оказавшись «под крылом» местного хозяина побережья, юные музыканты не сразу понимают, в какую ловушку угодили. Идет передел территорий, и целью криминальных разборок становится Алиса, дочь все сильного босса. На нее, как на наживку, собираются ловить главного фигуранта, и в этой охоте музыкантам «Гекубы» также отводится своя роль. Вот только быть марионетками они не собираются, и ситуация становится взрывоопасной...

ISBN 978-5-00-518761-1

© Щупов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 КНУТ И ПРЯНИК	6
Глава 2 ВОТ БЫ ОТДЫШАТЬСЯ	11
Глава 3 ПАРКЕТ СВЕРКАЕТ И СМЕЕТСЯ...	18
Глава 4 УРА! В НАС МАЖУТ!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

У самого Черного моря

Андрей Щупов

«Женищину, за которую ты не дрался, ты не смеешь называть дорогой».

В. Высоцкий

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8761-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 КНУТ И ПРЯНИК

Петр Романович оказался прав. Силы небесных хлябей успели иссякнуть. Откашлявшись дождями и молниями, тучи нехотя выплюнули солнышко, лениво потянулись в стороны. Совсем как солдатики, которым дали команду «разойдись». Ослепительно желтый плевок угодил точнехонько в зенит, и мир тут же зарозовел, замаслился от живых сочных тонов.

Яхта «Морской Кот», на палубу которой мы вскоре поднялись, оказалась белоснежной двухмачтовой игрушкой метров пятнадцати в длину и трех с копейками в ширину. Двое матросиков проворно доставали из рундуков паруса, особым образом раскладывали на палубе. Примерно также работает десант с парашютами, готовясь к прыжкам. Со стороны это выглядело загадочно, почти мистически. Прислушиваясь к завыванию ветра в снастях, я задрал голову. Здесь внизу качка казалась едва заметной, но верхушки мачт выписывали стремительные вензеля, и я поневоле представил себе, что же ощущали в старину наблюдатели, обозревающие окрестности из традиционных, привязанных к верхушкам мачт бочек. Туго натянутые троса напоминали струны гигантской гитары, и ветер с переменной силой ласкал их, заставляя звонко гудеть.

На двигателе мы плавно отошли от причала. Заработала лебедка, паруса поползли вверх. Некоторое время Петр Романович стоял у штурвала, затем, кивнув одному из матросов, отошел в сторону. Мы присели на скамеечки за овальный палубный столик и, не сговариваясь, вытянули ноги – не столько ради удобства, сколько из желания сохранить равновесие. Бетонный мол остался позади, и здешние волны вели себя куда как более разбойно. Во всяком случае, качало нас вполне прилично. Яхта заметно разогналась, изумрудные, накатывающие барханы она рассекала надвое, как хорошо отточенный клинок. Знакомая песчаная коса показалась справа, и я проводил ее невеселым взглядом. Где-то здесь, помнится, проплывала золотистая ладья. Какой был славный вечерок, какое было настроение! А вон и холм, на котором стояла наша палатка. Странно... Казалось, все это перенеслось уже в иную полузабытую жизнь, хотя и происходило-то всего несколько дней назад. Отчего мы так по-разному помним минувшее? Хотел бы я понять технику избирательности нашей памяти.

В паруса ударил ветер, бирюзовые волны, удивительно прозрачные и высокие, словно мышцы огромного морского животного, напряглись и заиграли резвее. Перекатываясь справа и слева, они разбивались о скулы нашего кораблика, пеной и брызгами норовя достать и нас. Я взглянул на хозяина яхты.

– Могу я узнать, куда мы плывем?

Петр Романович ответил не сразу. Распахнув ворот рубашки, отвязал галстук, небрежным движением сунул его в карман.

– В никуда, Кирилл. Просто вперед.

– Возможно, я ошибаюсь, но мне почему-то кажется, что топить меня вы раздумали, верно?

– Ты не ошибаешься, никто тебя топить не собирается.

– Вы хотели поговорить со мной? Тогда начинайте. Хотя после того, что случилось в ангаре...

Он прервал меня взмахом руки. Следует признать, дирижером он был прирожденным. При всем при том, что настроен я был не слишком дружелюбно, легкому этому жесту я вынужден был подчиниться. Как тигр окрику дрессировщика.

– Давай не будем вспоминать про это, хорошо? Ребята переборщили, согласен. Только, видишь ли, после того, что случилось в ангаре, произошли и другие события.

– Опять игра в кошки-мышки? Сначала об пол черепушкой, а после под нос – миску с молоком?

– Разве я предлагал тебе миску с молоком?

– Но ведь собираетесь предложить?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Мда... Хотел бы я знать, Кирилл, кто ты такой в действительности.

– А вы не догадываетесь? – я хмыкнул. – Внук графа Монте-Кристо. Имею сведения о сокровищах, но вам не скажу.

Петр Романович даже не улыбнулся.

– Впрочем, чего я перед вами распинаюсь. Извиняться вы все равно не будете.

– Поверь, если бы мои извинения что-нибудь значили, я бы с легкостью их принес, – он задумчиво взглянул на парящую вровень с яхтой чайку, и в глазах его мимолетно блеснули охотничьи искорки. Впрочем, возможно, это мне только показалось.

– Кое в чем я, вероятно, ошибался, кое в чем переоценил собственные силы. Поэтому о чертовом ангаре и мне, и тебе, в самом деле, лучше забыть.

– Предположим, забыли. Что дальше?

– Дальше... – он исторг из груди тягостный вздох. – Дальше все будет продолжено. Как и прежде. Ты возобновляешь прерванные уроки, твоим друзьям будет оказана квалифицированная медицинская помощь. Пусть отдыхают.

– Ага, с выбитыми зубами и поломанными ребрами!

– Я же сказал, вся необходимая помощь твоим друзьям будет оказана. Сегодня же лучший дантист города сделает твоих друзей белозубыми и улыбчивыми. Ребра тоже заживут. Кроме того, я собираюсь выдать вам денежную компенсацию.

Не удержавшись, я фыркнул.

– Ловко у вас получается! Выходит, можно творить все, что угодно, и ничто на свете не наказуемо? Не слишком ли круто вы обращаетесь с людьми? Сначала избиваете до смерти, потом откупаетесь?

– Такова жизнь, Кирилл. Согласись, это не столь уж плохо, когда за побои платят. Потому что чаще всего обходятся без этого.

– Уверен, ребята будут в восторге.

Петр Романович поморщился. Скосив глаза в сторону матросиков, заговорил чуть тише:

– Хорошо. Объясню тебе, в чем дело. Видишь ли, Кирилл, моя дочь... У нее было непростое детство. Так уж получилось, что ее мать умерла. Очень рано. Дядя и я – единственное, что у нее осталось, понимаешь? А что уж тут хорошего, когда все время одна и одна? Ей хотелось с кем-нибудь позаниматься музыкой, вот мы ей это и устроили. Не очень умело, согласен, но так уж у нас, неуклюжих, вышло.

– Ей не нужны мои уроки.

– А я думаю, нужны. Может быть, не уроки, – просто общение. Хочешь, спорь с ней, беседуй... Неужели это так трудно – развлечь девушку?!

Я ошарашенно уставился на хозяина яхты.

– Как развлечь? В каком смысле?

Лицо Петра Романовича на мгновение исказилось, губы выплюнули витиеватое ругательство. Мы поняли друг друга правильно. Передернув плечом, я пробормотал:

– Мне просто хотелось уяснить суть задачи. Вы сказали: «развлечь», я вежливо конкретизирую – как?

– Если бы я знал!

Вероятно, впервые в голосе Петра Романовича прозвучало что-то напоминающее отчаяние.

– Дьявол вас всех задери! Кликуш-идеологов, политических чинуш – всех! – он, набывшись, выложил на столик свои крупные руки. Чуть помолчав, заговорил более спокойно:

– Видишь ли, Кирилл, педагогика, воспитание – все блеф. Ничего этого нет, а есть лишь одна игра Всевышнего. Нам только кажется, что мы открываем законы мироздания, – на самом деле нам их просто подсовывают. Как погремушки малым детям. Чтобы было чем занять себя и отвлечь. А тем временем идет иная игра. Совсем иная!

Пальцы его неожиданно стиснули мою кисть.

– Я уже сказал тебе, что мать ее умерла. Но она не просто умерла, она покончила с собой. И Алиса видела тело... – Петр Романович учащенно задыхался. – Видела, как мы вынимали ее из петли. Она была, конечно, маленькой, но многое уже понимала. Во всяком случае, что такое смерть, ей довелось узнать уже тогда. А я... Я готов и сейчас сделать для нее все невозможное! Купить дом в любом уголке планеты, подарить лимузин, на котором еще вчера разъезжал Клинтон, отправить в Гарвард, в Сорбонну – куда угодно, но я не могу сделать ее счастливой. Ты верно все сообразил: она не слишком похожа на меня. Может, даже совсем не похожа. Но она – мой единственный капитал! Думаю, других детей у меня уже не будет. Как и других жен. Такая вот, понимаешь, штука!

Он продолжал стискивать мою кисть, горящими глазами прожигал насквозь.

– Если бы вы исчезли, это было бы самое простое решение. Так мне сперва казалось, но... У нее побывал врач. Наш старый семейный друг. Он напомнил мне о том, что произошло с моей супругой, и я вызвал Мулу.

Выпустив мою руку, он откинулся на спинку скамьи, ладонями протер лицо.

– Я не знаю, какого дьявола, вы ей приглянулись, но я не диктатор, я – нормальный отец. И потому вы снова здесь.

– Вы говорили с ней?

Петр Романович отвел глаза в сторону, сумрачно кивнул.

– Беседа у нас состоялась. Весьма даже обстоятельная!.. После нее я и сунул вас в ангар. Я мог бы стереть вас в порошок! Видит Бог, я сделал бы это с превеликим удовольствием. Но не получилось. Тот наверху, что играет с нами в подкидного, вновь оказался при козырях. – Хозяин яхты помотал головой. – Сегодня впервые за много лет я выпил. Впервые, Кирилл! И наверное, выпью еще. Уже с тобой.

– Надеюсь, не на брудершафт?

– Как-нибудь обойдемся без этого, – Петр Романович запустил руку под стол и выудил пару металлических стаканчиков. Из кармана достал плоскую флягу.

– Что это?

– Не отравляйся, не бойся, – придерживая стаканчики, он аккуратно вылил в них всю флягу. – Это коньяк. Неплохой, надо сказать. Тебе, кстати, с твоим диагнозом он тоже не помешает.

Я взял стаканчик в руки, осторожно понюхал.

– Армянский?

– Французский. Но не суть. У армян коньяки тоже порой получаются отличные. – Он качнул головой. – Ну? За что выпьем? За надвигающийся Новый Год?

– Рановато вроде.

– Почему же? По славянскому календарю Новый Год отмечался первого сентября, что, кстати, являлось более логичным. Осень, начало учебного года, конец отпусков. В сущности от первого сентября мы и отсчитываем все свои личные календари. По сию пору. Потому что так удобнее. Это уж Петр Первый по неразумению своему перенес его на середину зимы. Спрашивается, за каким фигом?

– Значит, за славянский Новый Год?

– За него, – закрыв глаза, Петр Романович мелкими глотками выцедил свою порцию. Мне ничего другого не оставалось, как последовать его примеру.

– Мда... – Он шумно выдохнул. – Жизнь, Кирилл, сплошь и рядом оказывается хитрее нас. Мы не люди, – всего-навсего марионетки. Клоуны, изображающие царей природы. Самые

прозорливые видят ниточки, что уходят вниз и вверх, большинство же и впрямь полагает, что они кузнецы своего счастья. – Петр Романович дребезжаще рассмеялся. – Дурачье! Велико-возрастные дитяти, так и не расставшиеся с младенческими подгузниками. Хотя... В сущности это все пустяки. Так сказать, – проходное настроение. Сейчас ты мне ответишь на другое. Ответишь откровенно, без фливорностей.

– Я вас слушаю.

– Так вот... Ты видел мою дочь, разговаривал с ней, и теперь я хочу знать, что ты о ней думаешь?

Прикусив губу, я рассеянно покрутил стакан в пальцах. Странное дело! То, о чем я не решался рассказать Вараксину с Джоном, теперь пытался вытянуть из меня этот монстр. Наверное, я мог бы сказать ему правду, но знал ли я сам эту правду? Представлял ли хотя бы в общих чертах? Нет, конечно. Как известно, правду – и одну только правду – знают идиоты. Я себя таковым не считал.

– Она... Она показалась мне хорошей девушкой.

– Хорошей!.. – передразнил Петр Романович и сморщился. – Ой, мудришь, парень! Помнится, когда ты навернул мне коленом в пах, ты изъяснялся более прямо. Или уже забыл? – темные его глаза глянули тяжело и жутко. – Жаль. А я вот твои слова хорошо запомнил. Как знать, возможно, они и сохранили вашей компании жизнь.

Подняв голову, я напряженно ждал продолжения.

– Видишь ли, Кирилл, сейчас я скажу тебе то, чего, наверное, говорить бы не следовало. Я не знаю еще многого, но скорее всего моя глупышка в тебя, идиота, влюбилась. Серьезно или нет, один Бог ведает, но только поэтому ты сейчас и живой.

Я опустил глаза. Фразы Петра Романовича шли в обход моего сознания. Я верил ему и не верил. Что бы он ни говорил, у этого человека на все имелся свой особый расчет. Видеть в нем отца, пекущегося о благе своей дочери, я был просто не в состоянии.

– К сожалению, она во многом похожа на свою мать, – продолжал мой собеседник. – Такая же доверчивая и беспомощная. И я знаю наверняка, что без моей поддержки Алиса пропадет. Ей очень не достает современных качеств. Волчьих качеств. Значит, вывод простейший: я буду ей помогать чем только могу. Если ей понадобятся лучшие врачи России, я приволоку их к ней за шиворот, если она попросит, чтобы рядом был кто-то другой, я выполню и эту просьбу. Вот тебе и весь мой сказ.

Рассеянно нюхнув пустой стаканчик, собеседник как ни в чем не бывало повернул голову и зычно крикнул рулевому:

– Поворачивай к Мытищинскому саду. И вызови транспорт к причалу.

Я удивленно шевельнул бровью.

– Мы возвращаемся?

– А ты думал, мы отправились в кругосветное путешествие?... Вынужден тебя разочаровать, мы просто прокатились по морю. Побеседовали, так сказать, на вольном воздухе. И учти, я трачу на тебя бездну времени и денег.

– Не считаю себя вашим должником.

– Это уж как тебе заблагорассудится, – он сложил руки на груди, взглядом устремился к далекому берегу. Стало очевидно, что мне выложили все, что посчитали нужным. С дискуссией было покончено.

Посидев еще немного, я выбрался из-за столика и, цепляясь за леера, перешел на корму. Пенный след, оставляемый «Морским Котом», очевидно привлекал рыбешек. Чайки, ныряли в бурлящую воду и вновь взмывали, унося в клювиках трепещущее серебро. Будничная картина – живописная и жестокая. Потому, наверное, и жестокая, что мы взирали на нее с полнейшим спокойствием. Изредка вдали мелькали спины дельфинов. Совершая колесообразные движения, они двигались к горизонту, время от времени выписывая стремительные зигзаги. Я

следил за ними с завистью. Вот у кого все просто и ясно! Если даже людей они не брезгают спасать, то какого же уровня достигают их собственные отношения! Впрочем... Кажется, и они порой выбрасываются на берег. Или это тоже делается в назидание нам?

Вспомнился отчего-то дурачок в нашем дворе. Не раз и не два я видел его играющим с кошкой. Сидя на скамейке, он держал полосатого зверька на коленях и осторожно пытался гладить. Кошка явно резвилась, ощущая слабость этого странного мужчины, не слишком сильно, но все-таки чувствительно цепляла гладящую ладонь когтями. Получая очередную царапину, дурачок отдергивал руку, пальцем грозил полосатой проказнице и вновь тянулся к мягкой шерстке. И удивительно радостно было смотреть на него, на этот пример человеческого терпения и незлобивости.

Пригоршня соленой воды плеснула в лицо, и я восторженно содрогнулся. Режьте меня на куски, но все-таки море – это не просто вода, это что-то живое и разумное. Оно чувствовало меня, знало о моих переживаниях! Потому и стремилось хоть как-то поддержать и ободрить. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я стремительно стянул с себя куртку, сбросил с ног кроссовки – и как был, в брюках и рубахе, сиганул в волны.

Глава 2 ВОТ БЫ ОТДЫШАТЬСЯ

– Ты зачем нырял-то? – Петр Романович кивком подозвал официанта, ногтем отчертил невидимые мне строки. Часто кивая, служитель ресторана заторопился на кухню.

– Так... Потянуло освежиться.

Петр Романович покачал головой. Должно быть, он еще помнил мой детский смех, когда, торопливо развернув яхту, они бросили мне спасательный круг. Черт его знает, что они обо мне подумали. Один из матросиков даже стал стягивать с себя тельняшку, но я крикнул им, что топиться не собираюсь, и, подняв круг двумя руками над собой, медленно поплыл к берегу. Выражение очумелого лица Петра Романовича меня тогда крепко позабавило. Эмоциональных порывов тайный властитель Бусуманска, очевидно, не понимал, а значит, бесполезно было объяснять ему, что это такое.

– Ну что ж, будем надеяться, купание пошло тебе на пользу. Кстати, ты пробовал лангустов?

– Конечно. У нас на Таватуге этих раков мешками когда-то собирали.

– Таватуй? Это где такое? На Дальнем Востоке?

– Ну, не таком уж и дальнем. Столицу Урала знаете?

– Екатеринбург, что ли?

– Какой, к черту Екатеринбург! Я о Свердловске говорю.

– Ах, да! Вы же все оттуда. С гор. Так сказать, наследники цареубийц.

Я фыркнул.

– Не знаю, кто там наследник или нет, я лично играю на гитаре и чиню стрелочные переводы. Нагана сроду в руках не держал.

– А хотелось бы?

– Разве что из любопытства, хотя... – я проследил, как в зал вплывает процессия молодых людей с подносами. На первых двух красовались розовые лангусты в обрамлении столь же розовых помидоров. Далее шли салаты и изящной формы бутылки с вином.

– Что «хотя»?

– Да нет в них ничего интересного. В наганах этих. Обыкновенные пукалки, каких много.

– Гмм... А ты вообще когда-нибудь охотился? На уток, скажем, или косуль?

Я посмотрел Петру Романовичу в глаза.

– Вот уж чем никогда не займусь, так это охотой.

– Почему?

– Потому что мне и рыбу-то жаль. Кровь идет, а она бьется, бедная, на крючке или кукане... Вы сами-то когда-нибудь видели, что такое живой горбыль и горбыль мертвый? Или та же зеленуха, к примеру? Две абсолютно разные вещи! Живое – и труп. А ведь это только рыба, существо из другого мира, без голоса и разума. Ну, а стрелять по своему же собрату – да еще млекопитающемуся – бррр!.. Нет, я не убийца!

– Да ты, я вижу, чистоплюй, братец! – он поморщился.

– Почему же, – я покачал головой. – Прикажет желудок, тоже кого-нибудь завалю. Без особого удовольствия, но завалю. Только ведь охотятся-то не голодные, – вот в чем фокус. И всю эту лапшу – про то, что надо поддерживать должное поголовье, отстреливать больных, пусть вешают на уши кому другому. Девяносто девять процентов гуманоидов охотятся только для того, чтобы видеть кровь, давить курки и слышать рев раненного зверя.

– А тебе это, значит, неприятно?

– Значит, неприятно.

Петр Романович кивнул подошедшим официантам, сходу придвинул к себе бутылку.

– Занятный ты парень, Кирилл! Увечишь людей на ринге, поешь сентиментальные песни и не любишь охоту. Как это все сочетается?

– Да просто. Ринг – не охота, там все добровольцы. Ты бьешь – и тебя бьют. Жертв нет, потому что хищник выходит против хищника. Ну, а песни разве что глухие не поют... – я за ус приподнял тяжеленного лангуста. – Как же его есть-то? Неужто щипцами колоть?

– А как ты своих таватуйских раков ел?

– Руками и зубами, как же еще!

– Ммм... Тут зубами, пожалуй, не получится.

– Вижу, – я положил лангуста на место. – Лучше уж я салатик поклюю с вашего разрешения.

– Бокал вина?

– Это пожалуйста.

Мы выпили по бокалу. Без тостов, без чоканья. Впрочем, вино того стоило. После первого же глотка я ощутил вкус настоящего винограда. Наверное, впервые в жизни. Ни после «Шампанского», ни после иных «виноградных» вин ничего похожего не наблюдалось. То ли виноград был какой-то иной, то ли само вино изготавливали как-то иначе. С любопытством я покосился на бутылку, однако на этикетке было писано не по нашему. Вараксин – тот, верно, сумел бы расшифровать эту латынь, а я лишь непонимающе пошевелил губами и заткнулся. Впрочем, Петр Романович не дал мне времени на неспешное смакование. Не канителясь, он вновь наполнил бокалы.

– Вот что, Кирилл! Сейчас сюда подъедут мои друзья, при них я, понятно, не буду говорить о наших с тобой делах, поэтому слушай... – Он мелкими глотками выцедил розоватую жидкость, на секунду зажмурился. Я обратил внимание на часы, что поблескивали на руке хозяина Бусуманска. Черт его знает, что это была за марка, но часики были под стать хозяину. По золотому ободку против цифр я разглядел двенадцать изумрудного цвета камушков. Стремная штучка, если вдуматься! Мужикам – и вешать на себя золотые бирюльки! Перстни, печатки, цепули... Этак скоро и до колечек в носу доберемся.

– Так вот... Про Алису я тебе рассказал почти все, но я не упомянул одной вещи. Видишь ли, мне бы очень хотелось, чтобы она училась. Не здесь, разумеется, – в Европе. Пусть продолжает музыкальное образование или поступает в Сорбонну, в Оксфорд – куда угодно. В любом случае ей нужно уехать отсюда – и побыстрее.

– Зачем?

– Зачем? – глаза его наполнились неприятным холодком, – Затем, Кирилл, что специфика моей деятельности подразумевает ряд неприятных моментов.

– Обычная плата за роскошь.

– Заткнись! – он это не выпалил и не крикнул, – проговорил с внушительной медлительностью, с некоторой даже задушевностью.

– Как бы то ни было, но есть люди, которые с удовольствием вогнали бы меня в гроб. Сделать это крайне не просто, и потому под меня копают, дено и ночью изыскивая уязвимые места, подкупая людей, подбираясь все ближе к горлу.

– Вашей дочери что-нибудь угрожает?

Он сумрачно кивнул.

– Она – моя ахиллесова пята. Я ведь москвич и здесь практически не живу. Есть кое-какой бизнес в Крыму, однако не более того. Так вот, пару месяцев назад кое-что приключилось. В масштабах страны – пустячок, для меня же – событие крайне неприятное. Подробностей тебе не нужны. Скажу только, что кое-кто из столичных бонз провернул лихую операцию. Кинули не одного меня, – многих, но я – не многие и подобных фокусов никогда и никому не спускал. Ни одной живой душе... – Петр Романович замолчал, и я обратил внимание на то,

как побелели его сжимающие бокал пальцы. – Ублюдки галстучные! Думали, все им позволено, неприкосновенностью депутатской бравировали! Теперь двое отдыхают в Сочи.

– В Сочи? – я сразу и не понял. – То есть совсем рядом?

Он слепо взглянул на меня, негромко рассмеялся.

– Сочи – это не рядом, Кирилл. Это очень и очень далеко. Думаю, не на небесах, сенаторам там места нет, так что где-нибудь пониже и поглубже. Понятно, что кое-кто в Кремле впопыхался. Короче!.. – Он встряхнулся. – Все это мишура и нюансы, а главное – то, что Алису уже пытались однажды похитить. Им это почти удалось, и кое-чему моя девонька успела стать свидетелем. Дело уладили, положив еще с полдюжины придурков, но пришлось срочно менять дислокацию. Так сказать, временно ретироваться. Политика – дело переменчивое. Сегодня ты на коне, а завтра, глядишь, тебя затопчет собственный скакун.

– Поэтому вы и хотите, чтобы она уехала?

– Поэтому и хочу!

– Так может, проще спрятать Алису где-нибудь в России? Отвезти в тьму-таракань, в деревушку какую-нибудь – и все дела! – я вытер руки о салфетку. – Что за мода такая пошла – прятаться за рубежом? Там и найти, думаю, много проще. Иностранцы – все на виду. А в нашей глухомани – сто лет ищи-свищи, никого не найдешь. У нас же десятки тысяч деревень! И не надо никаких Испаний с Венгриями! Солнце, воздух и вода – чем не курорт?

– Вот тут ты ошибаешься. Это добрый дяденька Познер уверяет всех, что законы за кордоном железные, а полиция неподкупная. Каждый видит то, что хочет видеть, а уж мне-то лучше других известно, что криминалитет на свободном западе царствует и процветает. Купить можно все, что угодно, а затаяться – и того проще. Паспортный режим, Кирюша, – не такая уж глупая вещь. Особенно в государствах со смутным режимом. Так что с их гуттаперчивой демократией, да с нашими деньгами – обстрелять любую темную сделку вовсе несложно. А уж спрятать человека – проще пареной репы. Это во-первых, а во-вторых... Возможно, я не возражал бы против деревни, в твоих словах есть резон, но неизвестно, сколько все это протянется. Может, год, а может, и все пять, – Петр Романович покачал головой. – Я не хочу, чтобы целых пять лет Алиса проскучала в какой-нибудь глухомани. Не тот возраст и не то воспитание. Тем более, что она знает кое-какие языки... В общем ей нужно учиться. Там это устроить не просто, но все-таки вполне реально. В твоей же деревне при всей ее безопасности отсутствует главное – а именно возможность образовываться и постигать жизнь.

– Вы считаете, что постигать жизнь в деревне невозможно?

– Да, я так считаю! Лет в шестьдесят-семьдесят, если, конечно, доживу, вероятно, я и сам куплю какое-нибудь уютное село, отстрою фермочку, заведу лошадок. Но что хорошо под старость, не всегда годится в молодости. Ты меня понимаешь?

– Более или менее. Я другого не понимаю, зачем вы все это мне рассказываете?

И снова в лице Петра Романовича произошла странная метаморфоза. Губы его нервно задергались. Ответил он не сразу.

– Видишь ли... У нее нет друга. Она не сумеет прожить одна. После того, что стряслось в Москве... Ее ведь тогда чуть-чуть не убили. Кому она может теперь верить?

– У вас нет верных помощников?

– Ты хочешь, чтобы я послал с ней своих бритых ублюдков? – он жестко улыбнулся. – Нет уж! Я знаю, как она к ним относится. В чем-то, пожалуй, и разделяю ее мнение.

– Даже так?

– Давай без этих ужимок, Кирилл. У нас с тобой серьезный разговор.

– Тем более хочется понять ваше ко мне отношение. Слишком уж крутые перепады.

Петр Романович подпер подбородок рукой.

– А перепадов и не было. С самого начала ты оказался крепким орешком, просто я не знал, кто ты есть.

– То есть?

– Видишь ли, ты вполне мог оказаться и человеком от НИХ.

– Вы шутите?

– Ни в малейшей степени. Эту территорию мы, по счастью, пока контролируем, но всех отдыхающих не проверить, верно?

– Значит?.. – меня пробрало дрожью. Искристый фейерверк догадок опалил сознание. Все сразу встало на свои места – погони, возвращения, угрозы, недомолвки. – Вот же черт! Выходит не было никакого рэкета?

Петр Романович одарил меня тяжелым взглядом.

– Алиса любит музыку, об этом знали многие – в том числе и ОНИ. И вот в один прекрасный день в Бусуманске, где она скучает, появляется три смазливых гитариста. Причем играть они начинают прямо напротив ее окон...

– Да мы и понятия не имели, что играем под чьими-то окнами!

– Вероятно. Однако первый ваш концерт состоялся именно в таком месте. Мой дом ей не нравился. Она хотела постоянно видеть море. В одном из домиков на набережной я снял для нее квартиру.

– Фантастика!..

– Разумеется, вас тотчас взяли на заметку. Кстати сказать, если бы мои противники додумались до чего-нибудь подобного, это было бы и впрямь неплохим ходом.

– Понимаю. Нас приняли за диверсантов-донжуанов и при первом же удобном случае постарались выставить вон.

– Все правильно. Будь у нас стопроцентная уверенность, что вы не те, за кого себя выдадите, вам бы и шагу ступить не позволили. К счастью, подобной уверенности у нас не было, и Мула попросту взял вас в разработку. Сначала вас, а после и ваших подружек.

– То есть?

Петр Романович жестко улыбнулся.

– А ты всерьез полагал, что дамочки отправились за вами исключительно по любви?

Сказал, как ударил. Я вспомнил беседу с Адольфом, наше ожидание в кафе, вспомнил собственное удивление, когда вместе с Элизой в зал вошла и Татьяна. Если мой собеседник ничего не выдумывал, ЭТО могло случиться именно тогда – в тот час их недолгого отсутствия. А что? Притиснули подружек к стенке и, деликатно поиграв ножиком перед глазами, коротко и деловито перевербовали.

– Вот пакость! – в горле у меня запершило. – Но каким образом? Как?!

– Неважно. Важно то, что их информация вкупе со сведениями, полученными позднее, подтвердила вашу полную непричастность к закулисным играм.

– И тогда...

– И тогда вы стали нам не нужны.

– Но тот ангар. Какого черта?!

– Тише, Кирилл, тише. До ангара, неплохо бы тебе напомнить, имело место событие, случившееся в моем доме. – Петр Романович продолжал жутковато улыбаться. – Еще ни один человек не обидел меня безнаказанно. Ни один, Кирюш. Таких же, что пускали в ход кулаки, не было вовсе. Если бы не Алиса, если бы не те твои слова...

Не спрашивая разрешения, я протянул руку к бутылке, наполнил бокал до краев.

– Блин! Прямо тайны Мадридского двора!

– Теперь уже не тайны, – Петр Романович кивнул на свой бокал, я налил и ему.

– Теперь уже не тайны, – повторил он. – Я намеренно раскрыл карты. Теперь ты знаешь все или почти все. Вывод простой: ты в состоянии мне помочь – и ты мне поможешь.

– Вы снова предлагаете сделку?

Он медленно покачал головой.

– Я достаточно тебя изучил, чтобы не делать этого. Я ничего тебе не предлагаю, хотя, если ты попросишь за свои услуги...

– Не попрошу!

– Вот-вот! Ты, Кирюш, даже не белая ворона, ты – динозавр. Рептилия, каких уже повсюду повывели. И потому я сам хочу просить у тебя помощи. Есть такое подозрение, что ты не сможешь мне отказать.

– Вам или ей?

Он улыбнулся.

– Видишь, ты все прекрасно понял. Выбора у тебя нет. И не только потому, что вы у меня в руках.

– Подловато, если вдуматься.

– Что поделаешь! Я тоже, к сожалению, лишен выбора. Сейчас у Алисы что-то вроде периода реабилитации. Ей нужно отойти от московских приключений, нужно примириться с мыслью, что рано или поздно придется уезжать. Для этого ей нужна компания. Вот, собственно, и все. От тебя требуется одно: помнить, что я ее отец.

– Об этом как раз не забудешь.

Он криво ухмыльнулся. Глазами скользнув поверх моей головы, без особого удовольствия констатировал:

– А вот и мои друзья-приятели! Будь добр, не болтай лишнего.

– Может, мне вообще уйти?

– Зачем же, посиди чуток, расслабься. Вижу, вино тебе понравилось, вот и вкушай, наслаждайся. Уверен, ничего подобного ты в жизни не пил.

Тут он был прав. На все сто. А потому, не особенно смущаясь, я вновь наполнил бокал и потянулся за порцией салата.

***

Впрочем, долгого расслабления не получилось. В несколько минут нас окружила багрово-волистая, улыбчивая компания. От литого и узорчатого золота в ушах, на пальцах и груди зарябило в глазах. Самые фасонистые из дядь оказались рядом с Петром Романовичем, дамы расселись между мужчинами. Пошло обычное смешливое пустословие. Здоровье, погода, политика. Куда ни глянь – одни улыбки. Прямо какое-то торжище Чеширских котов...

Я чертил черенком вилки по скатерти и искоса наблюдал за соседями. С появлением гостей Петра Романовича – в ресторане мало-помалу стали происходить изменения. Трех или четверых подвыпивших попросили с соседних столиков переместиться. На пустующую эстраду, вытирая губы и лица салфетками, спешно полезли музыканты в атласных пиджаках. Разобрав по рукам трубы, контрабасы и скрипки, они стали наигрывать что-то древнекабацкое, с нэповскими интонациями. Некая помесь «цыпленка», который «жареный и тоже хочет жить» с офицерскими ностальгическими перепевами. Через белую гвардию и кабаки мы возвращались к забытой России. Я слушал их и морщился. Одно дело глядеть на акробата Газманова и совсем другое – на этих фальшивящих трубадуров. Подсевшие к нам люди были уже навеселе и все что-то вразнобой пытались рассказывать Петру Романовичу. Поскольку я был с ним, толика внимания уделялась и мне. Какая-то девица с толстой аппетитной косой и поволокой в темных глазах присела рядышком, но Петр Романович одарил ее внимательным взглядом, и, не успев со мной познакомиться, девица проворно убралась восвояси. А еще через несколько минут наш стол расцвел, как проснувшаяся по утру клумба. Разом появились цветы и салаты, Вино в каких-то высоких посудинах, парящие гарниры и шашлыки.

– Совсем не тронули лангуста! Почему? Не понравилось? Может быть, хотите мяса? Есть отменные шашлычки! Попробуйте! – услужливый толстяк с кудряшками на затылке и голым темечком протянул мне шампур. – Между прочим, я хозяин этого заведения.

– А девочки – тоже ваши?

Он хмыкнул:

– Само собой.

– Ну, а я зять Петра Романовича, – брякнул я. – Мечтаю отхватить солидное приданое.

– Ловкач, – он с готовностью захрюкал и снова кивнул на шампур. – Все-таки рекомендую. Это особые шашлыки. МОИ шашлыки! Старый кавказский рецепт.

Мои девочки, мое заведение, мои шашлыки... Я неохотно взял шампур в руки. Терпеть не могу шашлыки. Сколько перепробовал их за жизнь, всегда они были либо откровенно сырыми либо откровенно обугленными. Не говоря уже о качестве мяса, ибо зачастую принадлежность к баранине или говядине вызывала смутные подозрения. Однако в данном случае толстяк ничуть не покривил душой. ЕГО шашлыки и впрямь являли собой приятное исключение. Я и не заметил, как слопал все до последнего кусочка. Добравшись до третьего шампура, я вдруг понял, что еще немного и лопну. Откинувшись назад, я глубоко вздохнул. В груди снова екнуло, и, как в тот первый раз я не испугался. Скорее – удивился. Значит, мы и впрямь смертны? Вот смешно-то!..

Глядя, как веселится Петр Романович, я ощутил тоску. Банальная говорильня о министрах и генералах, шуточки по поводу обвешенных брошками и бусами дам. Их набралось здесь ровнехонько по количеству мужиков. И это тоже почему-то выглядело тоскливо. Веселье с двух до трех тридцати в обществе того-то и того-то. Не умели они тут веселиться. Не умели – и все тут! Даже в глазах соседа толстяка я замечал некие тревожные проблески. Трудно искренне радоваться, пируя в клетке со львами. А они все тут были либо львами, либо шакалами. Беззубые в ближний круг не допускались. За исключением, разумеется, дам. Впрочем, и те, верно, были не без клыков.

Поднявшись, я побрел к выходу. Проходя мимо швейцара, демонстративно сунул руки в карманы. Вот и открывай, если поставлен у двери! И не лыбься, как заезжему миллионщику, – все одно – ни хрена не получишь. На груди у стража поблескивала какая-то голографическая визитка. Вроде монгольской пайцзы. Я чуть прищурился.

– Георгий Константинович Смородин, – прочитал я по слогам. – Красиво называешься! Хорошо, хоть не Жуков...

Швейцар неловко улыбнулся. Он не знал, как меня приказано понимать, а приказывать мне не хотелось.

Уже выйдя на воздух, я обнаружил, что меня сопровождает эскорт молодогвардейцев. Вежливо, не слишком приближаясь, однако и не теряя из виду.

На стоянке автомашин, я оглядел себя в большом круглом зеркале. Чуть подпорченная губа, незажившая синева под правым глазом. Не красавец, не урод, – так, что-то наполовину. Жених двадцати трех лет с навеки незаконченным высшим.

Жених!.. Я сплюнул себе под ноги, сумрачно покосился в сторону конвоиров. Запузырить в них, что ли, каменюгой? Или вон бутылочка на бровке стоит, – как раз для такого случая! Грянуть: «Лягай в угол!» – и дать ходу в аллею потемней. Только от Джона с Лешим не сбежишь. Все продумал, змей мафиозный! И помощи попросил, и про заложничков не забыл напомнить. Оно и понятно, дочь искупает все. Принципы – в сторону, друзей – побоку! Да и водятся ли у таких, как он, друзья с принципами? Очень и очень сомневаюсь... Подумав про Алису Петровну, я попытался вызвать в себе отвращение к ней, но и с этим ничего не вышло. Жалко ее было. Жалко до дрожи в коленках. Наградил же Бог папочкой! Если еще и про мать правда, то и вовсе нечего наезжать на бедную девочку. Даже в собственных мыслях.

Я снова зашагал. Проходя мимо какой-то целующейся в полумгле парочки, судорожно вздохнул. Есть же еще на свете беззаботные люди!..

Минут через десять бездумного путешествия меня нагнала машина. За рулем сидел бритоголовый, на заднем сидении я разглядел Мулу.

– Забирайся, Кирилл. Тут еще недалеко. Не ровен час, заблудишься.

Я внимательно посмотрел ему в глаза. От недавних наших собутыльников этот тип все-таки отличался. Чем-то весьма существенным. Волк, играющий под шакала. Приятный сюрприз для неподозревающих. Подумав, я предложил:

– Только ты сначала выйди, хорошо? Я с мясниками в одном трамвае не езжу.

С таким же успехом я мог бы поставить ему щелбан. Ох, как он вскипел! Я по роже его увидел. Была б его воля, на куски бы меня порвал. Голыми руками. Однако балом правил не он, – главным балетмейстером являлся Петр Романович. Хотел крючконосый того или нет, но с этим фактом ему приходилось считаться. Заметив некоторую растерянность в зрачках крючконосого, я намеренно поторопил его.

– Давай, давай, вытряхивайся! А водила довезет, куда нужно.

И он таки вылез, подлюка! Как миленький! Руки у меня чесались, точно у злостного сифилитика, но я сдержался. Доброе дело хорошо вовремя и к месту. Еще успеется! Стараясь ненароком не коснуться этого типа, я втиснулся на заднее сиденье, циркнув зубом, бросил водителю:

– Трогай, кучер! Самым малым.

– Минутку! – крючконосый поманил кого-то из сгустившейся темноты, и еще один бритоголовый забрался в машину.

– На всякий случай, Кирюш, – пояснил крючконосый. – Просто на всякий случай.

Не отвечая, я скрестил руки на груди, демонстративно закрыл глаза. Мы поехали.

Глава 3 ПАРКЕТ СВЕРКАЕТ И СМЕЕТСЯ...

В комнате все было прибрано, на крохотном журнальном столике белела записка. Добрая Мариночка уведомляла, что мне прописана ежедневная капельница с какой-то гремучей смесью и что тотчас по прибытии я должен ее вызвать нажатием кнопки. Разумеется, процедуру с кнопкой я незамедлительно проделал, однако вместо сексапильной Мариночки появился сонный медбрат, который и вогнал мне в вену иглу – вогнал, надо заметить, крайне безжалостно.

– Это не яд? – я кивнул на капельницу.

Гость хмуро покачал головой.

– Лекарство. Очень, кстати, хорошее и дорогое.

– Лекарство от страха... – пробормотал я.

– Чего, чего?

– Да так это я – брежу, наверное... Эй! А почему так много? Я, конечно, боюсь, но не настолько же!

– Четыреста миллилитров, как и рекомендовано.

– А точно, что не лопну?

Голова его вновь размеренно закачалась. Излишней разговорчивостью медбрат не страдал. Я прикрыл глаза, изготавившись терпеть и ждать, но лечебный процесс надолго не затянулся. Организм удивительно быстро всосал в себя все триста миллилитров, и упаковав в дипломат компактную капельницу, медбрат все также безмолвно убрался восвояси. Даже спокойной ночи не пожелал, балбес. Не любят нас господа медики, ох, не любят!

Какое-то время я лежал на койке, бездумно глядя в потолок. Сердце стучало ровно и сильно. Должно быть, переваривало только что проглоченное. Ему было хорошо, а мне не очень. Голове приходилось переваривать иную пищу – все то, что выложил мне несколько часов назад Петр Романович. Впору было вычерчивать таблицы с графиками, вычисляя, где и насколько он покривил душой, где сказал чистую правду, а где не очень. Насчет тех же дам, насчет матери Алисы и столичных разборок. Впрочем, не столь уж сложно это было выяснить. Без всяких интеллектуальных извращений.

Распрямив локоть, я отодрал подсохшую ватку, придирчиво осмотрел руку. Ничего особенного! Еще один мини-кратер на вене – только и всего! Скоро стану похожим на злостного наркошу... Не теряя времени, я решительно поднялся. Задача была не столь уж сложной. В коридоре – вохровцы и телекамеры, это да, это плохо. Зато с другой стороны имеются окна, на коих не замечено ни замков, ни решеток. Так что хочешь лететь, – пожалуйста! Тут даже спрашивать не нужно, какой путь легче? Разумеется, не коридорный. Потому как упущеньице, Петр Романович! Недогляд! Крыльев у нас, конечно, нет, но есть руки и головы. Головы, надо сказать, не самые глупые.

Я приблизился к окну, стараясь не шуметь, отворил рамы. Подумав, вернулся. Стянув с койки простынь, свернул ее жгутом, на концах связал по узлу. Ну-с! А теперь малость полевитируем! И пусть потом господин Коперфильд попробует повторить!

Выбравшись наружу, я внимательно осмотрел фасад. В принципе – при такой обильной лепнине можно было рискнуть двинуться напрямик по стене. Для скалолаза второразрядника – форменный пустячок! Жаль, не было у меня ни второго разряда, ни третьего, да и, сказать по правде, декоративный крабб не внушал особой уверенности. Вполне возможно, все эти гипсовые цветки и финтифлюшки могли обломиться при первом же прикосновении. А посему я не спешил. Вариантов, по счастью, хватало. Можно было спуститься вниз, можно было подняться на крышу. И то, и другое – вполне реально, но довольно скоро я углядел нечто более

притягательное. Чуть выше моего этажа – метра на три-четыре – пролегал массивный карниз. Добравшись до него, я мог бы прогулочным шагом окольцевать все здание.

Устоять было сложно, и, раскрутив импровизированный канат из простыни, я со второй попытки забросил его в паз между водосточной трубой и каменной кладкой. Крепежный стержень здесь был немного погнут, и узел прочно застрял в металлической вилке. Подергав простыню во все стороны, я подтянулся телом ближе к водостоку и плавно толкнулся. Грузным маятником перелетев к трубе, сколь мог смягчил удар руками и ногами. Должно быть, подвело кориолесово ускорение, коварную суть которого я и в техникуме-то не очень понимал. Во всяком случае бесшумно не получилось, да и канат мой угрожающе треснул. Вцепившись в трубу всеми четырьмя конечностями, я суматошно огляделся. Возле пестреющих внизу клумб было пусто, охраны с бультерьерами на поводках и винчестерами под мышками не наблюдалось. Парни предпочитали здоровый и крепкий сон. На всякий случай я все же немного выждал, после чего медведем-торопыгой полез вверх. Разумеется, ржавые трубы – мечта форточника, однако тем они и опасны, что ржавы и непрочны. Данный водосток напротив – легко мог бы выдержать вес и более крупных собратьев, однако карабкаться по нему оказалось чертовски сложно. Более того – поначалу я даже сполз чуточку вниз. Подошвы не держали, гладкий металл оказался опорой более чем предательской. Уцепившись одной рукой все за тот же стержень, я, упираясь носками в задники и помогая себе свободной рукой, кое-как стянул кроссовки с носками, не долго думая, сунул их за шиворот. «Канат» тоже было жаль выбрасывать, и с грехом пополам мне удалось зацепить его за поясной ремень. Теперь дело пошло легче. Все-таки кожа – это кожа, надежная и прочная задумка природы! Стискивая босыми ступнями трубу, я без особых хлопот добрался до карниза, отпыхиваясь, ступил на жестяной край. Здесь оказалось более темно. Светильники, установленные по периметру стены через каждые шесть-семь метров, раструбами были направлены вниз. Усаженный цветами и пальмами двор, голубой бассейн – все было залито электрическим неживым светом. Ну, да мне-то что! Я не там, я – тут, и учуять меня могли разве что летучие мыши.

Прижимаясь к стене животом, я двинул в обход здания. Мельком подумал, что, если сорвусь, то как у Рэмбо в фильме «Первая Кровь» вряд ли получится. Он там сигал на крону огромного дерева, в моем же случае имелись только куцые и невысокие пальмочки. А где-то, помнится, рос у Петра Романовича самый настоящий бамбук. Совсем весело! Как в той черной песенке... А проснулись оне по утру, а на их любимом бамбуке – шашлычками из кенгуру отдыхали любимые внуки. Короче, полный кюл!.. Сплюнув вниз, я отогнал неприятное видение. Негоже вчерашнему инфарктнику сигать на бамбук. Вот и не будем!..

Миновав пару темных окон, я настороженно прислушался. Слух не обманывал, я и впрямь слышал чей-то смех – смех до того знакомый, что губы мои сами собой расплзлись в улыбке. Хохотал Джон. Этажом ниже – как раз подо мной. Более тихо – так, что я едва слышал, Вараксин ему рассказывал:

- Ля крэнт по-французски – страх. Наш аналог, догадываешься, какой?
- Неужели кранты?
- Они самые. Тот же подснежник зовется у них персанаж, а гиря – пуад.
- Пуад, в смысле, пуд?
- Скорее всего от этого и пошло-поехало. Этимология вообще интереснейшая штука. Начинаешь копать, и голова кругом идет. Историк, не знающий пяти-шести языков, наверное, и историком называться не может.
- Так это ж какое терпение нужно, чтобы такую прорву языков выучить!
- Терпение по-французски тоже, кстати, интересно звучит. Пасьянс.
- Пасьянс?
- Ну да. Скучно тебе, значит, вот и раскидываешь по скатерти картишки, испытываешь себя на пасьянс.

– Ловко! Это я запомню.

– Еще есть другое забойное словечко...

Глуша голос Вараксина, внизу зашелестела листва, и, продолжая улыбаться, я возобновил путь. Если дети гогочут, значит, с животиками у них все в порядке. Большого мне пока не требовалось.

Цели путешествия я достиг минут через пять. Для этого мне пришлось практически обойти здание кругом. Эта сторона дома также граничила с парком, но главное – я мог видеть море. Несмотря на окутавшую горизонт мглу, несмотря на слепящие фонари, я угадал его все тем же шестым чувством и, лишь мучительно прищурясь, сумел разглядеть далекие корабли. В темноте они походили на залитые огоньками острова. Медленно, почти незаметно для глаз острова перемещались, временами заслоняя друг дружку, удаляясь в туманную ночь и напротив приближаясь к пристани. Я не мог ошибиться. Комната Алисы должна была располагаться где-то здесь. Самый верхний этаж и обязательный вид на море. Было бы идеально, если бы она надумала что-нибудь поиграть, но получилось еще проще. Пройдя несколько шагов, я неожиданно рассмотрел девушку совсем близко. Она сидела у окна, грудью навалившись на подоконник, ладонями подперев остренький подбородок. Молочно-белый абрис обращенного к морю лица, чуть приподнятые плечи. Разумеется, она не могла спать в такой час. Как известно, по ночам Наташи Ростовы предпочитают глядеть в окна. Я замер на месте. Сердце, до этой секунды бившееся размеренно и спокойно, трепыхнулось под ребрами, ударило в стену, к которой я прижимался. На миг я всерьез испугался, что полечу вниз. Должно быть, этот всколыхнувшийся пульс она и услышала. Я не видел, как она поворачивала голову, просто прошла пара секунд, и мы вдруг встретились с ней глазами. Она молчала, а я продолжал обнимать стену, сясь унять расшалившееся сердце.

– Это вы?

Можно было кивнуть, а можно было ответить, что нет, что она ошиблась. Но, увы, вся моя говорливость меня покинула. Так теряет голос вышедший первый раз к микрофону певец. Судорожным движением я дотянулся до окна, поймался за створку, и, только очутившись на подоконнике рядом с ней, кое-как выдохнул:

– Кул, подруга!

– Что?

– В смысле – привет!

– Привет, – шепнула она. Вновь выглянув в окно, скользнула взглядом вдоль обрывающейся вниз стены, скованно выпрямилась.

– Вы же могли разбиться!

– Опять «вы»? Мы же договаривались! – я сглотнул. Горло катастрофически пересыхало. – Что-нибудь попить бы, а?

Она кинулась вглубь спальни, принесла бутылку со стаканом. Либо «пепси», либо минералка, но мне было все равно. Запрокинув бутылку, прямо из горлышка я выцедил добрую треть, не отказав себе в удовольствии побрызгать немного на макушку.

– Уф! Спасибо! Теперь я снова человек.

– У вас... У тебя на спине...

– Это не горб, не бойся, – я выудил кроссовки с носками, вместе с изжужжанным простынным канатом бросил на пол. – Труба, понимаешь, скользкая попалась. Только босиком и можно было взобраться.

Она стояла, не двигаясь, – чистое лицо, лучистые глаза. Я поневоле засмотрелся. Чистое-лучистое – вот уж никогда не замечал, что корень-то один! Впрочем, в грамматических ребусах пусть копаются леги вараксины, а я сейчас просто глядел на нее, ни о чем не думая, не пытаясь даже предугадать, что скажу в следующую секунду. На этот раз наваждением не пахло, я вполне контролировал себя, и все же снова, как на первом нашем уроке, мне отчаянно захоте-

лось ее обнять – без поцелуев, без слов. Она была маленькой девочкой, нуждавшейся во мне, и это единственное, во что, выслушав Петра Романовича, я поверил сходу, не пытаясь даже усомниться. Все могло оказаться враками, но только не этот взгляд. Я ощутил его в кафе, я готов был подчиниться ему и теперь. Беспричинно, просто как магнит, поднесенный к железу. Это представлялось загадкой, чем-то, не поддающимся никакой логике. Потому что стояла передо мной отнюдь не женщина-вамп и не женщина-королева. Если бы речь зашла об именах, то я бы ее назвал девочка Радуга. Забавно, но «девочка Радуга» по-прежнему смущалась и трусила, не подозревая о том, что самым непостижимым образом все больше и больше забирает надо мной власть.

– Так и будем стоять? – я взял ее за руку.

– А что? – она потупила глаза.

– Ну... Вон у стены, я вижу, пианино. Может, сыграешь что-нибудь?

– Прямо сейчас?

– А тебе запрещают играть по ночам?

– Нет, – Алиса робко улыбнулась. – Здесь специальные ячеистые перекрытия. Можно спокойно играть даже на барабане.

– Ну так давай.

– Что вам сыграть?

– Тебе. Не «вам», а «тебе».

– Что тебе сыграть?

– Неважно. Все, что сама хочешь.

– Хорошо...

Мы стояли, по-прежнему не двигаясь. Наверное, впервые в жизни я смотрел в чужие глаза, не испытывая ни малейшего желания моргнуть. Это напоминало сладкую дрему. Совсем как в далекие морозные времена на железнодорожном посту возле раскаленной киловаттки. Кругом холодина, метель, – и только здесь тепло и уютно. Никуда не хочется, можно сидеть, а можно лежать – лишь бы не выходить из помещения. Ноги мы ставили прямо на киловаттку, отчего подошвы ботинок плавилась, приобретая характерный клетчатый узор. Нам было все равно, сказочное оцепенение сковывало почище кандалного железа.

Гудок далекого парохода заставил нас очнуться. Алиса вздрогнула, я выпустил ее руку. Она быстро подошла к инструменту и, откинув крышку, торопливо обернулась. Мне показалось, что оборачивалась она даже с некоторым испугом. Словно за те несколько секунд, что она не смотрела на меня, я мог пропасть и исчезнуть.

Улыбнувшись, я шагнул к пианино и присел на высокий табурет.

– Туточки я, здесь, рядом!

– Да, это правда, – шепнула она, а я нахмурился. Интересно, какую байку преподнес ей добрейший папаша? Что вообще она знала о нас, о нашем положении в этом доме? То есть что-то, конечно, должна была знать. Не семь же ей с половиной годков! Впрочем, и это меня уже не слишком интересовало. Алиса была той самой киловатткой, от которой не хотелось уходить. Я чувствовал себя по-настоящему уютно, и легкий дурман кружил голову, как стопка хорошего коньяка.

– Можно, да? – продолжая глядеть на меня, она положила пальцы на клавиши. Я кивнул.

Знакомое воздушное движение, и она заиграла – неожиданно сильно и громко. Первые же аккорды сдавили меня, как слесарные тиски. Мелодия показалась знакомой, и все же я ее не знал. Разумеется, что-то из классики. По крайней мере повторить ее на гитарах пусть даже в самом упрощенном варианте мы бы не осмелились. Уверен, даже маэстро Зинчук в данном случае развел бы руками. Grimаска, мимолетно мелькнувшая на Алисином лице, тоже стало частью музыки. Маленькая пианистка воспринимала мелодию напрямую, понимая изнутри и глубже. Глядя на нее, что-то дополнительное открывал для себя и я. Последние мол-

ниеносные аккорды ужалили слух, мелодия оборвалась. Впрочем, пауза не затянулась. Порывисто вздохнув, Алиса вновь заиграла – на этот раз что-то легкое и шутивное.

– Это тоже Моцарт, – сообщила она. – Тебе нравится?

– Здорово! Особенно первое.

В ее глазах блеснули благодарные светлячки. Она продолжала музицировать, и щеки ее временами стремительно пунцевели. То ли ее захватывали те или иные мелодические пассажи, то ли она некстати вспоминала о моем присутствии и смущалась.

– Самое удивительное, что подобные вещи Моцарт называл пустяками, – сообщила она. – Но ведь это не пустяк, правда?

– Может, он просто рисовался?

– Не думаю. По его меркам и его масштабам так оно, вероятно, и представлялось. Хотя правильнее это было бы назвать вспышками. Блеснуло, вспыхнуло, – записал. Искорка, настроение, кусочек восторга.

– Наверное. Что-то вроде строчки в блокноте.

– Знаешь, мне иногда кажется, что в таких вот крохотных произведениях содержится даже больше ценного, чем в концертных объемах.

– Тебе не по душе «Реквием»?

– Конечно, «Реквием» – это здорово, но... Это конструкция, понимаешь? Огромная драматическая конструкция – из деталей, сочленений и схем... – она сбилась с такта, белесые бровки ее дрогнули, попытавшись сойтись на переносице, но молодая кожа не позволила. Морщинки являли нонсенс для ее лица. Оно могло менять цвет, розоветь и бледнеть, истекать слезами, но оно не умело еще мяться, как мнется бумага, не умело жухнуть и чернеть подобно весеннему снегу.

– «Реквием» – это собор, подобие храма, но он не похож на травинку, на простого кузнечика. А ведь они живые, хоть и маленькие. И эти его нечаянные вспышки – тоже живые. Когда я исполняю их, мне даже чудится, что я – это он, понимаешь? – Алиса развеселилась. – Я почти чувствую, что думал он в то или иное мгновение, что слышал и что видел. Это как перемещение во времени и пространстве. Раз! – и ты уже не здесь, а там – в иной эпохе, в иной стране.

– Забавно! И что же он видел, когда писал эту мелодию?

– Он? – дочь Петра Романовича снова покраснела. Мелодия прервалась.

– Ну? Что-то нехорошее?

– Нет, не совсем...

Неожиданно я догадался. То ли по ее лицу, то ли и впрямь по последним озорным тактам.

– Женщину! Он видел женщину, так?

– Констанцию, – Алиса Петровна потупила взор.

– Какую еще Констанцию? Бонасье, что ли?

– Супругу. Так звали его супругу.

– А-а... Ну, возможно, – я поднялся с табурета. – Кажется, начинаю прозревать. Амадей-то у нас был мужичком ветреным. Бахуса уважал, на девушек заглядывался. А тут вероятно, он проснулся, выпил чашечку кофе или что они там пили по утрам... Подсел к клавесину, обернулся, так? А она, его молодая женушка, лентяйка и соня, еще досматривала последние сны. – Я шагнул к Алисе. – Он встал, приблизился к ней, тихонечко стянул одеяло и, вернувшись за инструмент, стал быстро наигрывать.

– Но ведь она могла проснуться.

– Ты права! Зачем ему клавесин? Просто сел в кресло и, покусывая гусиное перо, беспрерывно хихикая, принялся сыпать нотными знаками на бумагу, так?

Мы посмотрели друг другу в глаза и враз рассмеялись. Смеяться ей шло, я шагнул еще ближе и не слишком ловко стиснул ее плечи.

– Что ты еще знаешь об этой Констанции?

– Знаю, что они любили друг друга. Он писал ей чудесные письма, она разучивала его произведения. Многие потом пытались ее ругать. Совсем как Наталью Гончарову. Будто бы и Пушкина, и Моцарта свели в могилу их жены. Только это неправда. Конечно, было разное – и размовки, и безденежье, но...

– Что «но»? Продолжай! – ободрил я.

– Ты смеешься?

– Да нет же! Ей Богу интересно послушать адвоката чужих жен.

– Я думаю, – она чуть помешкала, – лучшими адвокатами были сами мужья. Иначе не было бы такого количества стихов и музыкальных произведений, посвященных Наталье и Констанции. Они были их музами, понимаешь?

– Понимаю.

– Ты опять улыбаешься?

– Я восхищаюсь. Одно дело, когда нас поучает Леха Вараксин, но когда я слышу умные вещи от красивой молодой барышни...

– Ты все-таки смеешься!

– Да нет же! Послушай...

Я стоял над ней и не знал, что говорить и надо ли вообще о чем-то сейчас говорить. И разумеется, в глаза ее тут же вернулось смятение. Бедная девочка абсолютно не умела ничего скрывать. Разумнее было бы притормозить, но я все же ляпнул. Совершенно не к месту и невпопад:

– Твой отец... Ты знаешь, каким образом он вернул нас сюда?

– Я... Нет, – она замотала головой. – Он разве... Я ведь просила его!..

Нет, она совсем не притворялась. Еще пара неосторожных фраз, и девочку запросто можно было бы заставить плакать. Это показалось мне просто феноменальным! По всему выходило, что Петр ибн Романович был великим психологом! Психологом с большой буквы, как и гадом подколодным с той же самой буквы. Фактически он выпускал меня против беззащитного создания и именно таким изощренным способом бил наповал. Этот монстр не сомневался в моей лояльности. Несмотря на выходку с Мариной, несмотря на то, что ему было известно про прежних наших подруг. В этом и таилась главная загвоздка. Он все прекрасно знал и тем не менее не убоился свести нас. Слепой верой в собственные мускулы здесь и не пахло. Еще одна разновидность преступной психологии – шахматы, в которых помимо переменчивых пешек использовались вполне порядочные фигуры. Оно и понятно! Порядочная фигура не ударит королеву и тем паче не ударит принцессу. Кем бы ни оказался подобранный с улицы музыкант, он был загарпунен надежнейшей вилкой, один зубец которой предназначался для трусоватого плебса, второй – для совестливого романтика.

Чтобы унять волнение, я отступил от Алисы, втиснул ладони в карманы, порывисто прошелся по комнате.

– Кирилл! Что-то случилось? – она поднялась со стула. Даже руки прижала к груди. В самом деле – барышня. И одновременно – дочь эцелопа.

– Порядок на корабле! – я через силу улыбнулся. – Знаешь такую песню? В натуре я погиб, глаза закрою, вижу...

Она замотала головой.

– Чудачка! Это ж Высоцкий! Классик, как и твой Амадей, – я снова приблизился к девушке. – А знаешь что, Алиса Петровна, давай-ка мы с тобой потанцуем.

– Без музыки?

– Почему? Я напою... – Я подступил к пианино. Пальцы мои вполне самостоятельно заиграли что-то, и я с запозданием сообразил, что наигрываю музыку из французской лирической киноленты. Это была одна из тайных наших заготовок с текстом банальным, как банально лицо жениха на свадьбе. Однако перевод с русского (его сделала знакомая Джону учительница) пол-

ностью преобразил незамысловатый стих, превратив в нечто такое, что не понравиться просто не могло. В этом смысле французский и итальянский языки – уникальны. В том, собственно, и причина их не слишком широкой распространенности на мировой эстраде. Душа тянется к прекрасному, а пальцы хавают простое. Английский – проще, английский – доступнее. И уж куда нам до восточных перепевов каких-нибудь вьетнамцев или японцев.

– Что это? – глаза Алисы расширились. – Такое знакомое!

Я запел. На этот раз первым голосом, хотя в этой песне основную скрипку играл Леший. Ему лучше всех давалась очаровательная французская картавость. Мы с Джоном то и дело срывались на славянское карканье.

– Ну? – я оторвался от инструмента и обнял мою ученицу за талию. Смешной это получился момент. Сначала она шарахнулась от меня, словно угодивший в капкан зверек, а после неумело положила мне руки на плечи. Я мог бы поклясться, что эта девочка танцевала впервые в жизни. То есть, возможно, всяких там ритмических и танцевальных классов у нее хватало с избытком, но чтобы вот так с живым кавалером и не в учебном классе!.. Я закружил ее, продолжая хрипло распевать французскую самоделку. Мне вдруг стало страшно интересно расшевелить Алису, расплавить эту чертову пружину в ее спине, заставить вновь смеяться, как смеялась она совсем недавно, сидя за пианино. Девушка пунцела, и мне это нравилось, но то ли было еще впереди! Алисе Петровне предстояло испытание более серьезное. Едва почувствовав, что напряжение ее спадает, я быстро наклонился и чмокнул ее в губы. Даже не поцелуй, а так – легкое прикосновение, но оно тут же оборвало наше кружение. Алиса остановилась, как вкопанная. Глаза ее впились в меня с таким испытующим выражением, что пришел черед смутиться и мне.

– И ничего такого... Легкий невинный поцелуй.

Легкий, невинный, но он подрубил ее, как крепкий удар топора подрубают тоненькую березку. Она упала мне на грудь и, ткнувшись своим аристократическим носом куда-то под мышку, беззвучно разрыдалась.

– Ну чего-ты, дурочка, – растерявшись, я погладил ее по мягкому кружеву волос.

Она что-то шепнула. Кажется, не по-русски.

– Что, что?

– Ихъ бин ганс аляйн, – повторила она.

Я нахмурился. Пара десятков слов на французском, примерно столько же на английском являли все мои многотрудные достижения в языках. Немецкого я, увы, не знал. Но я мог запомнить, а после спросить у Вараксина.

– Значит, ты шпионка? – я стиснул ее крепче и поднял перед собой, словно ребенка. Она оказалась совсем легкой. Теперь лицо Алисы очутилось на одном уровне с моим.

– Я давно догадался про твое шпионство. То ты черненькая, то рыжая...

– Это парики, – хлюпнула она носом. – Я маскировалась.

– Вот видишь, я прав. Признайся, на той сказочной ладье – тоже была ты?

Она кивнула.

– Это дядина ладья. Иногда он сдает ее в аренду киностудиям. А я была в таком жутком настроении. С папой поссорилась. Он решил меня развеселить.

– Шпионов не следует веселить. Их нужно сдавать в КГБ! – шепнул я. – Пожалуй, именно это я и сделаю. Уверен, за такую добычу мне отваяют груды рублей.

– Не надо! – она порывисто обхватила мою шею. – Не надо меня никуда сдавать.

– Тогда ты должна... Ты должна будешь... – я так и не сумел закончить фразу. Робкие губы Алисы неумело прижались к моим, и тут же гулко забило под темечком. Мне показалось, что я оглох. Это принявшее лишку сердечко пустилось вскачь под ребрами, опрокидывая мебель, обрывая паутину сосудов, ногами намолачивая резвую российскую чечетку. Кто

скажет, что у сердца нет ног, будет неправ. Должны быть, по здравому размышлению. Иначе как бы и на чем оно убегало временами в пятки? Резонно? То-то и оно!..

***

Хотите – верьте, хотите – нет, но я ее не тронул. Мы пролежали в обнимку добрых несколько часов, как брат с сестрой, как пожилые супруги. Она рассказала мне, какой у нее замечательный папа, как он отстаивал в свое время песчаные пляжи в Бусуманске, не давал их засыпать щебнем, как помогал каким-то беженцам с юга и сколько всего сделал для нее. Бедную девочку не только лечили, ее активнейшим образом обучали. В самых престижных заведениях, у самых именитых педагогов. Алиса утверждала, что помимо всего прочего научилась у какого-то дюже умного профессора-психолога из Кёльна мыслить образами и цветовыми оттенками. Далось ей это не сразу, однако определенных успехов она в конце концов достигла. Я попросил что-нибудь продемонстрировать, и, послушно зажмурившись, Алиса увидела меня розово-желтым квадратом, о чем, несколько смущаясь, и сообщила со всем чистосердечием. Честное пионерское! Я даже рассмеялся. Хорошо, хоть не привиделся голубой миской. Вот было бы обидно! Миска – да еще голубая! А вообще, как выяснилось, женщины ей чаще всего представлялись неровными овалами, мужчины были угловатыми, дети же – золотистыми и круглыми. Она бормотала это, положив голову мне на грудь, не открывая глаз. Лепет засыпающего ребенка. Я гладил ее по волосам, и вскоре она действительно заснула. И это тоже показалось мне удивительным – почти волшебным. Привыкший молоть языком в присутствии женщин, я просто лежал рядом и прислушивался к своему новому состоянию. По всему выходило, что в постели с дамами тоже можно молчать и бездействовать, получая от этого величайшее удовольствие. И когда в дверь нашу постучали, это было хуже всякого будильника.

– Алиса, с тобой все в порядке?

Голос принадлежал Петру Романовичу, и, спустя мгновение, я стоял уже на ногах. Папенька отгулял свое в ресторации и вот решил навестить любимую доченьку. Или кто-нибудь из них уже обнаружил мое отсутствие? Скверно, если так!..

– Алиса, почему ты молчишь?

– Ответь ему, – шепнул я.

Испуганно моргая, она открыла было рот, но так и не проронила ни звука. Все было яснее ясного. В подобные игры девочка играть не умела. Проще промолчать, чем сказать неправду. В пару прыжков я очутился возле окна.

– Алиса! Он что, рядом? Он угрожает тебе?

Дело пахло керосином, – линиять приходилось в самом экстренном порядке. Я не сомневался, что дверь в ближайшие минуты брызнет щепой и с треском вылетит.

Жестом показав, чтобы она затворила за мной окно, я подхватил обувку с канатом и выбрался на знакомый карниз. Помахав Алисе кроссовкой, торопливым шагом добрался до угла здания. Обернувшись, конечно, обнаружил, что эта глупышка продолжает смотреть мне вслед. Пришлось послать ей воздушный поцелуй. Очень уж круглые у нее были глаза. Впрочем, основания для опасений действительно имелись. По счастью, они еще не догадывались выбежать на улицу, но ведь догадаются! Очень и очень скоро. Ясно было, что и в собственную комнату возвращаться нельзя. С чего бы Петр Романович так переполошился? Конечно, успел обнаружить, что я пропал, и ударился в панику. Весело! Что называется, положение хуже губернаторского. Тоже, кстати, Вараксин когда-то рассказывал. Проезжал, дескать, губернатор через какое-то село, заночевал в крестьянской избушке. Ночью ему приспичило, но не на мороз же идти! Втихаря вынул из люльки младенца, положил в собственную кровать, а сам, хитроман такой, взял и напрудил малышу полную люльку. Но и младенец простаком не был. Пока губернатор справлял нужду, в свою очередь навалил ему в кровать, а, наваливши, почуял диском-

форт и, разумеется, разорался. Все повскакивали, с зажженными свечами ворвались к губернатору – ну, и... То самое, что именуют немой сценой... Положенище!..

Жестяной карниз чуть поскрипывал под ногами, я напрягал слух, но особых надежд на то, что Джон будет гоготать на протяжении всей ночи, не питал. Даже такие, как Джон, любят порой поспать. А определить точно нужное окно представлялось не таким уж простым делом. Знать бы наперед, – обязательно оставил на стене метку. Гвоздем бы нацарапал что-то вроде «Киса и Ося были тут», а так... Одинаковые пальмы, одинаковые светильники, – взгляду было абсолютно не за что уцепиться.

Тем не менее примерное место я вычислил. Мешкать долее становилось опасно. В любую минуту внизу могли объявиться любопытствующие. И потому, скоренько обувшись, я свесил ноги и, держась руками за карниз, осторожно сполз вниз, зависнув в аккурат над одним из светильников. В случае чего – не хлопнусь сразу об асфальт, сначала приложусь к этому фонарику. Носком кроссовки я постучал по стеклу. Если ребята проснутся – помогут перебраться к ним. Я повторил стук – на этот раз более нетерпеливо. Руки начинали затекать, висеть бесконечно на согнутых локтях я не мог. Ребята однако не просыпались. Ждать становилось невозможно, и, пошарив наугад по невидимому из моего положения окну, я стукнул чуть сильнее, разбив стекло и ступней очутившись на рамной перекладине. Сигнализация не взвыла, псы не залаяли – и то хорошо! Теперь я по крайней мере стоял на одной ноге, а это вам не висеть на руках! Перехватившись за нижний загнутый край карниза, я изогнулся телом и глянул вниз. Окно, как окно, ничего особенного, в комнате темень, и скорее всего никаких ребят нетути. Вараксин – тот наверняка бы проснулся от звона стекла. Но выбирать не приходилось. Счет шел на секунды. В несколько движений я выкрошил оставшееся стекло из рамного пространства и, распрямившись на руках, просунул в комнату ноги. Всего-то и хватило, что по колено. Значит, каскадерского трюка не избежать, как и определенного риска. Но что нам, инфарктникам, терять?

Я проиграл в уме возможные варианты и, судорожно вздохнув, разжал пальцы. Возможно, Джеки Чан посмеялся бы над моей неуклюжестью, но мне было не до смеха. Я едва не сорвался, и лишь близкая притолка спасла меня от верного падения. Затылком я все же приложился к створкам. Из глаз посыпали искры, руки в панике зашарили по сторонам, отыскивая опору. В самом несуразном положении – ногами на раме и упираясь носками кроссовок в верхний край оконной впадины, я завис на несколько секунд, осмысливая происшедшее. Уже более спокойно дотянулся пальцами до рамы, в несколько неловких присестов втиснул тело в узкое пространство. Дальше пошло легче. Ступив ногами на подоконник, я тяжело спрыгнул на ковер. Массивный стол, представительные шкафы, обилие латунных ручек и шпингалетов. Комната на поверку оказалась кабинетом и была девственно пуста, но самое главное, что дошло до меня с некоторым запозданием, это то, что в замке энергично проворачивается чей-то ключ. Ринувшись к двери, я замер, прижавшись к стене, – занятие, ставшее уже привычным. И почти тотчас в кабинет шагнул широкоплечий тип. Конечно же, из местных – из чатлан. Дубинка возле пояса, короткая стрижка, в правой руке – массивный фонарь.

Мое шевеление этот стервец уловил с завидной чуткостью. Позиция была не самая выгодная. В голову я его просто не сумел бы достать, а потому пришлось ударить не самым джентльменским образом – подъемом ноги в живот, переломив пополам.

– Извини, браток, рефлекс... – простынка и здесь оказала услугу. Петлей накинув ее на шею охраннику я с силой развел руки. Он трепыхался недолго. Сонная артерия – штука уязвимая. Здесь бы и сам Поддубный не устоял. Главное – было не задушить чатланина всеерьез, и, стоило ему обмякнуть, я тут же ослабил хватку. Уже у лежащего на ковре пощупал пульс, не поленился проверить дыхание. Все было в порядке. Подхватив из лапищи охранника связку ключей, я выскользнул в коридор. Удача наконец-то мне улыбнулась. Открывать все подряд не понадобилось. С первой попытки я угадал в нужное узилище. Пара всклокоченных

со сна голов таращилась на меня. Заперев за собой дверь, я сделал друзьям знак, чтобы они помалкивали. И все же Джон недовольно молотнул подушку кулаком.

– Что за жизнь пошла. Ни днем, ни ночью покоя нет!

– То ли еще будет! – пророчески шепнул я и, конечно же, сглазил. Домина содрогнулся от грохота, законное пространство озарила яркая вспышка. Друзья мои повскакивали с постелей, сам я на мгновение зажмурился.

– Что ты там еще учудил? – прошипел Леший.

– Это не я, честное слово! – очумело глядя, как оседает с потолка пыль, я ущипнул себя за руку. Совершенно напрасно, так как никакими сновидениями тут не пахло. С хмурыми лицами мы вслушивались в разгорающуюся перестрелку и ничего решительно не понимали. Били не только из помповушек, зло и гулко на одиночные выстрелы откликались автоматные очереди...

Глава 4 УРА! В НАС МАЖУТ!

– Однако!.. – первым опомнился Вараксин. – Что это за хрень творится?

Джон кинулся было к окну, но я успел сцапать его за рукав.

– Куда, дурила? Пулю словить хочешь? – и вопреки сказанному сам метнулся вперед. Предусмотрительно встал чуть сбоку, но толку от этого было чуть. Судя по чудовищному рикошету, по зданию лупили из акаэсов, а АКС – это вам не родной и честный АКМ. Пуля тонкая, длинная – так и норовит свернуть на сторону. Нарисовать мертвую петлю такой пульке – пара пустяков. Потому и хотели их в свое время запретить, записали в оружие варваров и садюг. Калибр 7,62, типа, гуманный, а 5,45 – вовсе аже наоборот. Как и авиабомбы – вещь могучая и благородная в пику подленьким и лицедейским минам. Причуды военной логики! Убивать можно и нужно, но лучше все-таки по-честному!

Впрочем, в данную минуту я бы, пожалуй, согласился с господами гуманистами. Пули искрились вдоль всего здания, и выглядывать наружу в самом деле представлялось опасным. Насколько я понял, дом штурмовали со стороны центральных ворот. Укрываясь за пальмами и цветниками, в темноте мелькали скрюченные фигурки. Трепетные язычки огня вспыхивали там и тут, выдавая присутствие стрелков. По ним, должно быть, и целила находящаяся в доме охрана.

Вновь гроыхнуло где-то наверху – ничуть не слабее прежнего, однако на этот раз взрыв ничуть не ошеломил, – адаптировались, в натуре! В считанные секунды... Скорее всего наступающие били из подствольников, потому как для ракет было все-таки слабовато, а вот для гранаток – в самый раз. Но радоваться все равно было нечему, – то, что я созерцал, абсолютно не воодушевляло. Как обычно, жадные эцелопы что-то там не поделили, одна группировка пришла перетереть с другой, честный базар пацанов вылился в шумную разборку. С какой стороны ни смотри, мы здесь являлись фантиками приبلудными и совершенно посторонними. Как говаривали в знаменитом фильме: «скрипач не нужен». В данную минуту это относилось сразу к троим «скрипачам». И потому с честной душой мы имели право сделать ноги, задать драпака, свалить на все четыре стороны, но... В том-то и крылась закавыка, что посторонним я себя уже не считал. Такой вот идиотский «кюл». От одной мысли, что Алиса стоит сейчас у окна – в одной сорочке, дрожащая и напуганная, мне стало не по себе. Глупая девочка, готовая разрыдаться от неосторожного слова, – какими глазами, черт подери, она взирает на все происходящее?..

– Вот что, козлики, – я обернулся к друзьям. – Судя по всему, это столичные кунаки Петра Романовича. Пришли по старой памяти перекашлять наболевшее. Нам с вами этот кашель ни к чему, так что поступаем мужественно и отважно: вот вам ключики, запирайтесь и ныряйте под койки. Кто бы не ломился, молчите в тряпочку и изображайте глубокий сон.

– А ты?

– Мне надо кой-куда сбегать.

– Подожди! Как это – сбегать? Ты можешь что-нибудь объяснить? Хотя бы коротко?

Ломаться было глупо, и уже возле дверей я обернулся.

– Чего там дется за окном, знаю не больше вашего. А проведать собираюсь дочь нашего монстра. Сами понимаете, учитель в ответе за своих учениц.

Джон поймал распахнутой пятерней связку ключей, я же выскочил в коридор. Здесь горели матовые плафоны, было дымно и жарко. Пахло чем-то химически отвратным, от чего жутко запершило в горле. Нечто среднее между жженной резиной и копченой рыбой. Промчавшись до угла, я сунулся было к лестнице, но там копошились какие-то люди. Кашляя, они поднимали по ступеням громоздкие ящики. На всякий случай я отпрянул назад, но один из них все же меня заметил.

– А ну стоять! – он вскинул руку с какой-то пукалкой – не то гладкоствольной «Сайгой», не то «Мосбергом», и пришлось изобразить ему двузубую вилку. Я не Ярмольник, но получилось у меня вполне убедительно. Разглядев мои поднятые клешни, боец снисходительно шевельнул ружьишком. Я уже понял, что это люди Петра Романовича и потому шагнул ближе.

– Свой я! Честное пионерское.

– Свой... Сейчас поглядим, какой ты свой... – оставив приятелей с ящиком, боец скакнул по ступеням, приблизившись, ткнул стволом в мою геройскую грудь. – А-а... Ты из этих придурков.

– Из психов.

– Чего?

– Мне бы пушку, в натуре. Хоть самый захудалый калибр.

– Губешки раскатал!

– Они же со всех сторон прут! Вас что, много?

– Не мельтеши, – меня отодвинули в сторону. Ящик был, по-видимому, достаточно тяжелый. Шоркая по полу обитым жестью днищем, его выволокли в коридор.

– Принесли? – кто-то уже бежал по коридору навстречу.

– Не все. Сейчас патроны затащат...

Гулко хлопнула крышка, на свет показался малютка автомат – не «Калашников», что-то более компактное, знакомое по западным фильмам. Впрочем, черт их разберет. Ни «Беретты», ни «Скорпиона», ни «Узи» я сроду в руках не держал. Кажется, начинался дележ, и я снова подступил ближе. Увы, меня снова оттеснили в сторонку – на этот раз чуть более корректно. Такие вот дела! Кругом рвалось и грохотало, а я был чужим на этом празднике жизни. Реветь от обиды я, разумеется, не собирался, однако меня все равно пожалели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.